

ФИЛОСОФИЯ

УДК 11

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИУМА

О. Д. Агапов

Нижнекамский филиал Института экономики, управления и права (Казань)
E-mail: agapov@nzh.ieml.ru

В статье рассматриваются место и роль интерпретации как способа бытия субъекта социума, в частности, формируется представление о специфике интерпретации в процессе конституирования смысла социальных институтов.

Ключевые слова: интерпретация, социальные институты, цивилизация.

Socium and its Interpretation Practices

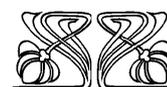
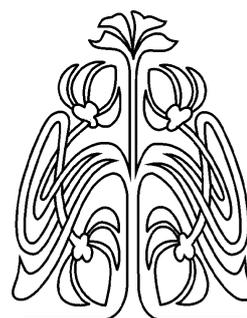
O. D. Agapov

The article investigates the place and role of interpretation when defining a subjects being in a socium. In fact, the article generates the general notion about the specific character of interpretation in the process of constituting the purpose of social institutions.

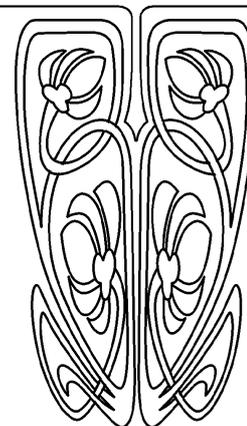
Key words: interpretation, social institutions, civilization.

Реальность истории, осмысленная как реальность бытия человеческого рода в пространстве-времени сущего делает возможным понимание связи таких явлений/понятий как «общество», «культура», «цивилизация». Икономия истории – ее конкретная размеренность разворачивается всегда в различных ракурсах и векторах, развивается как «персикорсис» ипостасей, каждая из которых представляет собой форму бытия лика человечества как всеединого субъекта. В частности, каждое племя, народ, нация, страт, сословие, класс, семья, государство есть момент развития всеединого субъекта истории, ее пространственно-временная данность, *вне и без* которой нет бытия истории. Одной из ипостасей бытия человеческого рода как субъекта истории выступает *общество*, представленное как некое развивающееся в определенном пространстве/времени сообщество людей, объединенных *типичными* способами организации жизни, вмещающее в свой контекст целую совокупность отношений, позволяющих каждому человеку как части всеединого субъекта истории реализовать себя, осуществить в установившихся структурах исторического бытия.

В известном смысле история как бы «затухает» в общественных отношениях, поглощается ими, становится более размеренной. Парадокс, но общество, многим обязанное истории, оказывается «неблагодарным», изгоняет ее из своего центра на периферию, стремясь всю энергию исторического творчества направить в иное русло, в повседневность, этот «плавильный тигель» всех возможных энергийных устремлений человеческого рода. С другой стороны, история именно в обществе, в его организации и существовании каждого из его многочисленных институтов дана в своей завершенности/полноте. Именно поэтому каждая историческая эпоха обретает свой неповторимый облик.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Общество представлено как *со-вмещение* времен: *прошлого*, данного через тенденции или социетальный капитал; *настоящего*, представляющего собой некую ситуацию; *будущего*, данного как совокупность возможностей. В социальных отношениях энергия субъектов направлена *вовнутрь*, стягивается вокруг насущных проблем, становящихся «завязью» бытия конкретного «здесь-и-сейчас» социума. Другими словами, цель истории трансцендентальна и задает вертикаль бытия человеческого рода как всеединого субъекта истории, а суть социального таится в его недрах, в самом факте существования исторически возникших и существующих конфигураций отношений «человек – природа», «человек – человек» и т.д. И поэтому, если история зовет за «границу» социальных институтов, отмечает их как условности, то общественные установки, проявляющие себя в морали, праве, идеологиях, напротив, полны осуждения подобных устремлений, предлагая вместо этого идеал глубины и полноты освоения. Немецкий социолог Н. Луман, рассматривая вопрос становления современной социальной теории, специально отмечает, что вопрос о том, что является историей, в социологии методологически запрещен, выносится за скобки рефлексии¹.

В разворачиваемой картине взаимоотношений истории и общества, на наш взгляд, проявляется общий ход динамики человеческого рода, представленного процессами опредмечивания и распредмечивания, где история есть процесс опредмечивания, кристаллизации сил человеческого рода, а общество есть момент распредмечивания выявленных сил, момент доведения их до своего расцвета и предела. Таким образом, развитию человеческого рода присущи своеобразные ритмы опредмечивания и распредмечивания, где за каждым прорывом к трансцендентному и одновременно экзистенциальному следует обращение к вновь обретенному, конституированному. Задача распредмечивания состоит в инкорпорировании исторического опыта в «телос» цивилизации. На стыке линий опредмечивания и распредмечивания рождается культура.

Итак, общество есть исторически возникший феномен, определенная сингулярность или социем, сама конфигурация которого представляет для каждого этого сообщества проблему (тайну), на постижение и дальнейшее преодоление которой он направлен. **Смысл общества в нем самом**, в факте совместности, в чуде взаимного сосуществования взаимоисключающих начал. Именно поэтому путь развития общества – это череда дифференциаций, разделения исторически сцепившихся родовых отношений.

В контексте нашего исследования место и роль интерпретации в социальном бытии задана современностью как кругом или онтогенезом понимания, все элементы которого даны в превращенном качестве, в качестве знаков и символов породивших их деятельности, жизни. Именно превращенные формы представляют подлинный предмет интерпретации, создавая единое основание наук социально-гуманитарного цикла. Задача интерпретации – дать вторую (третью и т.д.) жизнь превращенным формам, а вместе с этим способствовать конституированию индивида в субъекта истории, вхождению каждого из нас в мир истории, общества, культуры, цивилизации.

На наш взгляд, цель интерпретации социокультурных структур и институтов различается в зависимости от целей, намечаемых в рамках социализации и аккумуляции, в контексте восхождения к ценностям исторического порядка. В частности, социализация направлена на усвоение первичного и жизненно необходимого внутри той или иной формы уровня знаний, умений и навыков. Аккумуляция связана с более серьезными намерениями: не только внешне усвоить, но и изнутри высветить архитектонику имеющихся «здесь и сейчас» отношений, образующих жизненный горизонт, всю ситуацию эпохи. Для каждой формы вращивания индивида в телос надындивидуального бытия цивилизации характерна своя линия, форма и стиль интерпретирования, темп и ритм осмысления. Но несомненно одно: все обозначенные практики жизни нуждаются в органоне, в постоянной работе по истолкованию, направленному на соотнесение и удер-

жание связи, смысла многих интенций и элементов, вскрываемых в каждой социокультурной форме, историческом событии.

Разница целей, выдвигаемых различными социальными институтами, задает *различные* форм интерпретации. В социальном бытии интерпретация проявляет себя как метод конституирования локуса социальной реальности в формате «здесь и сейчас», а также как своеобразная манифестация собственно бытия, воплощающегося в факте разговора, диалога, речи по поводу. Здесь граница интерпретации обусловлена определением предмета совместной деятельности, меры необходимости в кооперации сил и в установлении примерного режима осуществления совместного труда.

Таким образом, специфика интерпретации в собственно социальном плане состоит в выстраивании формата отношений между людьми. Причем этот формат каждый раз будет иным, в зависимости от «игры сил», включенных в социальную форму субъектов. Повседневность полна подобного рода интерпретаций, направленных на установление операциональных коммуникаций, назначение которых не выходит за пределы обстоятельств их породивших. Однако при всей банальности, рутинности, монотонности и повторяемости вне подобного рода интерпретаций жизнь социума невозможна, ибо в каждой из этих ситуаций (диалог в автобусе, в очереди, в учительской, в студенческой аудитории) решается задача, невыполнение которой не дает полностью осуществиться полному циклу социального воспроизводства. Особенно ярко это проявляет себя в сбоях при коммуникации, когда привычный ход событий начинает рушиться из-за невыполнения принятого ритуала, несоблюдения церемонии, невыполнения обязанностей и обязательств. Неслучайно, что О. Розеншток-Хюсси видел истоки революций, войн, конфликтов в разрушении привычного хода мысли, разрушении линий коммуникации.

Осознав факт *замкнутости общественных структур на себе*, немецкий социолог Н. Луман посчитал необходимым для осмысления общества как социальной системы ввести понятие *аутопойесиса*. По его убеж-

дению, оно наиболее адекватно для схватывания и концептуализации бытия общества, спецификой развития которого является основанное на коммуникации самовоспроизводство границ между собственно социальным и окружающим миром (средой). Фундаментальное положение его теории общества состоит в том, что любое описание общественных структур обращает внимание субъекта описания на самого себя, что, безусловно, ведет к «автологике», к учету фактичности и историчности самого субъекта. Данное положение отличается от принятой в классической социальной мысли объект-субъектной дистанции, ведет к логике самореференции, поиска идентичности: в сущности, ведет к индивиду, проблеме его существования и развития. Поиски идентичности задают самописание. Таким образом, смысл социальности в самой социальности, и «даже изначальная предпосланность смысла ни в коей мере не противоречит тому, что смысл порождается в сети тех операций, которым он также непременно предшествует <...> какое-то свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику. Поэтому не существует никакой идеальности, отделенной от реальности фактического переживания и процесса коммуникации»².

Всякая ориентация или смысл в социальном бытии есть конструкция, направленная на *различение*, нуждающаяся в обновлении каждый раз, когда мы переходим от одного типа деятельности к другому. Смысл реализуется всегда в двойной связке, и в этом коренное отличие социальной системы от органической: в частности, «живые системы создают для своих клеток особый окружающий мир, защищающий их и создающий возможности для их специализации, а именно, организмы <...> психические и социальные системы образуют свои операции как наблюдающие, которые делают возможность отличать саму систему от окружающего ее мира – и это несмотря на то, что операции могут осуществляться лишь в системе. Другими словами, они различают само-референцию и ино-референцию. Их границы являются не материальными артефактами, а форма-

ми с двумя сторонами <...> Дифференция система/окружающий мир осуществляется *два* раза: как произведенное самой системой различие и как различие, наблюдаемое в этой системе»³ (курсив мой. – О. А.).

В подобной ситуации двойного описания социальная форма становится неисчислимой для самой себя, неопределенной определенностью, реальным парадоксом, где всякое вхождение в каждый из элементов общества сопровождается внесением/вынесением некоего смысла. Общество при таком подходе перестает быть механизмом, а воспринимается как поле, внутри которого возникают структуры упорядочивания рекурсивностей «так, чтобы во всяком процессировании смысла можно было бы ретроспективно обращаться и предвосхищать нечто многократно используемое. Это требует избирательного сгущения и, одновременно, подтверждающего обобщения того, что в отличие от другого можно характеризовать *как то же самое*» (курсив мой. – О. А.). Исходя из указанного понимания задач смысла в обществе, Н. Луман делает вывод о том, что каждый определенный смысл подразумевает как себя самого, так и другое, отсюда – порядок порождения смысла – «бесконечный процесс, т.е. неопределенная связь отнесений, к которой, однако, возможно определенным образом получить доступ, а также воспроизводить его»⁴.

Форма общества одновременно актуально конкретна и содержит в потенции различные сценарии своего существования, поэтому мы, безусловно, согласны с лумановским утверждением, что общество – это система, конституирующая смысл, где каждая актуальность являет собой своеобразный экран (сознание), на который проецируются все новые и новые состояния системы. Социальная проблема есть конструкт ино-референции (линия опредмечивания) и самореференции (линия распредмечивания). Следовательно, сознание общества «живет» современностью, понятой как проблема, а социум живет своей парадоксальностью, данной как **неразрешимости** внутри дискурса общества: пространство таких структурных неразрешимостей, по Т. Х. Керимову, и есть

пространство нередуцируемого множества структурных возможностей. Именно игрой таких возможностей обуславливается возможность дискурса как такового»⁵.

Таким образом, общество живет сознанием своей **гетерогенности**, а не гомогенности, индивид в исторически возникшей форме находит много того, что позволяет ему отстраниться, уйти от исторической экзистенции и трансцендентальности, заняться миром, имеющимся в формате «здесь и сейчас». Общество живет коммуникацией исторически возникших субъектов, само существование которых хотя и относительно, проходяще с точки зрения исторического сознания, но весьма интересно с позиции жизни, взятой в ее краткосрочности. Разрыв и нетождественность исторического и социального сознания наиболее полно явлены при осмыслении категории «**смысл истории**». В частности, один из ведущих российских философов А. С. Панарин отмечал, что проблема «смысла истории» касается тех, кто по тем или иным причинам потерпел неудачу, оттеснен от доминирования в мировом политическом процессе. Те же, кто устроился в настоящем и присоединился к господам мира сего, ориентированы на статус-кво, **им не нужна история**, олицетворяющая великие перемены. Страны и нации-«победительницы» в гонке за социальное лидерство в лице своих отдельных представителей, как правило, заявляют о том, что именно их порядок является периодом конца истории, временем, воплощающим все тенденции общественного развития: среди таких апологетов можно выделить Г. Ф. Гегеля, А. Кожева, Ф. Фукуяму. Но подобные утверждения и представления являются во многом апологией социальной конфигурации (формации/цивилизации), которую они выражают, и политическими интересами «сил», стоящих за плечами глашатаев «конца истории». Время возникновения проблемы смысла истории А. С. Панарин относит к драме древнего Израиля, к периоду завоевания Иудеи римскими императорами. «Маленькому народу (отчужденному от истории народу, классу, социальной группе. – О. А.) нужна большая вера в высший смысл истории, свое достоинство перед лицом по-

бедителей. Вопрос о смысле истории как вопрос о надежде и человеческом достоинстве потерпевших, о том, что их великое терпение не бессмысленно»⁶.

С этого времени в европейской культуре существует парадокс «смысла истории», согласно которому самые слабые, но сохранившие веру и призвание, восторжествуют над самыми сильными. Сознанию «неустроенных» в истории свойственна особого рода мистическая впечатлительность, и их взгляд высматривает малейшие трещины в порядке бытия. Позднее, в Новое и новейшее время, теологическая по своей сути вера в справедливость была определенным образом секуляризована. Торжество добра, восстановление прав униженных и оскорбленных предполагается в подобных концепциях «здесь и сейчас», в формате настоящего. Таким образом, идея «смысла истории» выступает в качестве руководящей цели и мобилизующей силы социальных образований (класс, этнос, нация, политическая и иная элита) в их современной общественной жизни.

«Смысл истории» противоположен «смыслу общества» и «смыслу культуры». Повторюсь: смысл общества в нем самом, где структура общества воспринимается как данность, которую можно изменять (перекombинировать – реформировать), но не развивать. Вернее, здесь развитие трактуется как изменение. Л. П. Карсавин отмечал, что **изменение** есть «появление в предмете новых, извне привходящих к нему свойств или исчезновение (во вне) старых, перемену во взаимоотношении вещей или разъединимых частей одной и той же вещи. Изменение коренным образом связано с понятием “мены”, сводится к перераспределению и предполагает разъединенные части (элементы, атомы), нечто содержащие их (пространство) и систему их взаимоотношений»⁷. Развитие же, наоборот, подразумевает целостность и единство развивающегося субъекта, а не изменяющейся объект. В контрверзе понятий «изменение»/«развитие» дана разница социальной и исторической жизни, разница миропонимания и мироповедения человека общества и человека истории. Первый ориентирован на «большое время», на метапроект,

на предельные смыслы и абсолютные ценности, второй предпочитает «малое время», микропроект, конкретные значения и релятивистское понимание ценностей. Политическим манифестом человека общества выступает либерализм с его апологией индивидуализма, экономическим кредо – стихия рыночного хозяйствования, научным идеалом – позитивизм.

Итак, общество гетерогенно, оно есть, по Л. П. Карсавину, «социальный хаос», «где хаос становится космосом, и космос разлагается в хаос»⁸.

Таким образом, общество всегда определенная размеренность – поле понимания, где каждый элемент этого конгломерата обладает двойным смыслом – самореференцией и ино-референцией, а следовательно, нуждается в постоянном процессе интерпретирования и самоинтерпретирования, в тавтологических процессах конституирования смысла для каждого случая, его комбинации. И самое главное, здесь мы полностью согласны с Т. Х. Керимовым, в гетерогенной социальности существует множество форм ее упорядочивания и репрезентации, каждая из которых неадекватна, поскольку оказывается именем отсутствующего всеобщего тождества и единства общества, поэтому любые средства упорядочивания и репрезентации социальности будут неадекватными, ибо они могут быть только единичными или возможными формами, выполняющими функцию невозможного единства и тождества общества. **Последнее присутствует в конкретных социальных формах как отсутствие.** Более того, российский философ убежден, что «если общество возможно как таковое, то только потому, что общество лишено общего (содержания) и частной формы его репрезентации»⁹. Все вышесказанное об обществе позволяет определить его как некую сингулярность/**социем**, сущность которой не дана заранее, она всегда устанавливается, когда «существование каждый раз сингулярно рождается, выходит к присутствию, поскольку время не вещь, не сущее, не причина или основание сущего, а его *про-исхождение*, его прибытие (неприбытие, уход), следовательно, его различие, избыточность»¹⁰.

Сингулярность каждый раз отрезана от всего остального мира, но вместе с этим всегда имеет отношение к чему-либо, временно или пространственно. Сингулярность тем самым создает ситуацию со-бытия. Социальное постоянно *дезистигует* (воздерживается) от абсолютного присутствия. Неслучайно в своей социальной философии Л. П. Карсавин выделяет в бытии социальной личности сложную иерархию: от социальных эфемерид до периодических и постоянных личностей, где, соответственно, **социальные эфемериды** – это случайное и недолгое общение незнакомых людей, объединенных одним чувством или импульсом (толпа, митинг); **периодическая личность** есть личность, бытийствующая определенный период (партийный съезд, соревнования), а **постоянная личность** – это социальная форма, образующая основу преемственности.

Таким образом, общество – всегда сосуществование поверхностного (случайного), статического и динамического, самодовлеющего и функционального. В силу этого и встает вопрос о социальной идентичности и постоянной интерпретации социальных процессов и тенденций.

Примечания

- ¹ См. : Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004. С. 18.
- ² Там же. С. 45.
- ³ Там же. С. 46.
- ⁴ Там же. С. 47.
- ⁵ См. : Керимов Т.Х. Неразрешимости. М., 2007. С. 3.
- ⁶ Панарин А. С. Смысл истории // Вопр. философии. 1999. №9. С. 5.
- ⁷ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 27.
- ⁸ Там же. С. 180.
- ⁹ Керимов Т. Х. Поэтика времени. М., 2005. С. 27.
- ¹⁰ Там же. С. 159.